

ски крестьянина Филатки и с помещичьего указа, а весь декабрь «Трутень» не выходил вовсе.

Последний (51—52) номер своего журнала Чулков выпустил двойным и вместо фольклорного, бытового материала наполнил его короткими анекдотами и авторскими отступлениями. Анекдоты эти сами по себе известны по Курганову и не представляют ничего интересного. Но расположение их в номере наводит на некоторые выводы.

Смысл первого анекдота сводится к тому, что на Олимпе объявили «набор в богини». Некоторые «властолюбивые жены», желая попасть в число богинь и не зная, что для этого предпринять, начали белиться и румяниться, думая, что в одной только опрятности состоит достоинство богини. Кожа на их лицах испортилась, а Юпитер погробовал от богинь не красоты, но разума.

«И тако целый год неосновательные те жены румянились и белились, однако в богини не годились».

Дальше рассказано, как во время «великого народного смятения» вышел «претолстый оратор». Появление его возбудило смех. «Я вижу, государи мои, сказал он, что смеетесь моему дородству, но жена моя еще меня потолще; однако когда мы в согласии, тогда и одной постели нам довольно; а когда же размолвимся, тогда и целого дома мало. Вместо всей его речи сим одним словом утушил он народное смятение».

Третьим помещен анекдот о старике, приказавшем детям переломить разом пук прутьев, чего они не смогли сделать и преподавшим на этом примере урок дружеского согласия.

Предположив, что все это относится к современному литературному положению и переводя «эзопов язык» Чулкова на общепонятный, мы получаем следующее разъяснение. «Набор в богини» обозначает расцвет журналов, из которых, однако, многие не отличались разумом и напрасно «румянились и белились» целый год. Журналы не жили между собой в согласии, между тем только совместные действия имеют серьезный результат: по одиночке с каждым справиться можно легко, о чем и говорят цензурные подземные толчки и закрытие изданий. В одном из следующих рассказов говорится о «некаком мальчишке», развязно судившем журналы и разругавшем их все, за исключением «Всякой Всячины», на что умные люди, считая его дураком, не стали противоречить. Повидимому, Чулков говорит здесь о необходимости тесных совместных действий, объектом которых он считает «Всякую Всячину». Мысль о возникновении такого союза очень любопытна и показывает попытку — правда запоздалую, — составить некий альянс журналов, направленный против правительственного органа. Чулков здесь отошел от своей униженно-рабской позы и в замаскированной форме высказал смелые мысли. Но он не остановился на этом. Заключительный номер «И то и сьо» показателен в этом отношении.